

В. Н. ЧЕРЕПИЦА

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН (1766—1826) И ГРОДНЕНЩИНА

В истории российской науки ни одно масштабного объема сочинение не оказывало столь сильного воздействия на общественное сознание, как многотомная «История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766—1826). Это издание, по словам Пушкина, «произвело сильное впечатление», книги «расходились в один месяц — «пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, доселе им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Русь, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Такое восприятие томов «Истории государства Российского» первыми читателями объяснялось и обстоятельствами времени. Недавно победоносно завершилась война с Наполеоном, и победители возвратились домой, преисполненные сознанием всемирно-исторической роли России. Потому-то такой успех в обществе имело передаваемое из уст в уста сравнение Карамзина с Кутузовым. П. А. Вяземский, в частности, писал: «Карамзин — это Кутузов двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни...».

Разумеется, что кроме восторженных поклонников 12-томной «Истории государства Российского» было немало и таких ее читателей, кто критически относился к этому труду по соображениям не только научным, но и политическим, общекультурным. Среди сторонников исторической концепции Карамзина, как, впрочем, и ее противников, было немало и наших земляков. К числу последних относился историк-славист Зориан Яковлевич Доленга-Ходаковский. Первую осторожную попытку критически выступить против «Истории» Карамзина Доленга-Ходаковский предпринял в 1819 году. Появление своих заметок на сей счет в печати он объяснял происками завистников автора «Истории»: «Напечатание моего письма в «Вестнике Европы» — это, без сомнения, их, а не мое дело». Обращаясь к Н. М. Карамзину с письменным посланием, Доленга-Ходаковский не без лицемерия писал: «Вот мое

оправдание. Теперь зависит от Вашего Превосходительства и в моем личном деле произнести такой суд, какой произвели Вы о веках и народах». Получив после этого при поддержке Карамзина субсидии от Министерства народного просвещения на организацию археологического обследования России, он временно отказался от участия в полемике вплоть до 1823 года, когда экспедиция вдруг неожиданно была прекращена. Необоснованно считая Карамзина одним из виновников крушения своих планов, Доленга-Ходаковский сразу же по получении «сведений о коварстве историографа» обратил все «бремя своих критических стрел» на Карамзина. Подобного же рода тактику критики «Истории» применяли в разворачивавшейся полемике Лелевель и Булгарин. Выступление Доленги-Ходаковского не прошло мимо сторонников Карамзина. Один из них — известный в те годы историк С. В. Руссов весьма скептически отнесся к планам критика «Истории» на основе археологических источников установить территорию расселения славян и определить границы конкретных славянских племен. Руссов обвинил Доленгу-Ходаковского в некритическом использовании польских источников и вообще в неверном методе исследования. Если Карамзин, утверждал он, вначале всесторонне анализирует источники и даже сверяет их данные путем запросов «местных начальников», чтобы после этого включить тот или иной факт в свой труд, то Доленга-Ходаковский, наоборот, «событие прежде всего вносит в историю или на карту, а потом требует его рассмотрения».

Полемика вокруг главного труда Н. М. Карамзина и участие в ней Доленги-Ходаковского, несомненно, способствовали уточнению представлений тогдашней исторической науки об историческом процессе и методах его познания. Кроме того, она активизировала изучение истории народов тогдашней России, включая и белорусов, побудила многих к занятиям местной историей — краеведением, к изучению народного быта и фольклора. В этом заключалась важнейшая положительная роль «Истории государства Российского» и развернувшейся вокруг нее полемики. Почти одновременно с выходом первого издания «Истории» Карамзина в Россию стали поступать проспекты ее переводов на немецкий, французский и польский языки. Несколько позже начались переводы этого труда на греческий, итальянский и английский языки. «Не знаю, куда деваться от переводов моей «Истории»... — писал Карамзин в августе 1818 года одному из своих друзей. — Я их не искал». В Гродненской губернии, наряду с русским изданием «Истории», имело место распространение ее и на польском языке. В Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно хранится дело «Об объявлении подписки на «Историю государства Российского», сочиненную Карамзиным и переведенную на польский диалект Бучинским». Содержание его

вкратце сводится к следующему. Летом 1826 года «служащий по части польских войск дежурный генерал Григорий Бучинский, издававший перевод на польский язык «Истории государства Российского», сочиненной Карамзиным, обратился за содействием к командующему Литовским отдельным корпусом великому князю Константину к умножению пренумератов (подписчиков. — В. Ч.) посредством рассылки подписных билетов на сие сочинение в губерниях, состоящих под надзором цесаревича».

В связи с отсутствием великого князя «на осмотре полков Литовского отдельного корпуса» прошение генерала-переводчика Бучинского было рассмотрено начальником штаба названного корпуса генерал-лейтенантом Курутой. Последний не только дал согласие на увеличение подписчиков на переводной труд, но и обратился 6 июля 1826 года к гродненскому губернатору М. Т. Бабятинскому с посланием, в котором, в частности, писал: «Принимая во внимание, что многие из дворян, не знающие русского языка, пожелают воспользоваться переводом сего отличного сочинения и чрез то доставить господину Бучинскому способ привести к окончанию производимый им перевод, коего шесть книг уже напечатаны, а последний ожидает токмо покрытия нужных на сие издержек, я покорнейше прошу Вас принять на себя труд раздать прилагаемые при сем письме девять билетов ценю за каждый на полное сочинение, заключающееся в одиннадцати книгах по сто рублей ассигнациями с доставкой шести сих книг, а последующие поступят в свое время пренумератам; собранные за сии книги деньги не оставьте (т. е. не забудьте. — В. Ч.) отослать в канцелярию цесаревича для доставления господину Бучинскому в Варшаву». Как следует из материалов дела, усилия гродненского губернатора в названном направлении были успешными: в числе подписавшихся на 11 томов «Истории» Карамзина в польском переводе значились местные землевладельцы — Токажевский, Павловский, Остроменцкий, Верещако, Рдултовский, Морачевский, Бржеский, Пусловский, Сивицкий. Одной из причин, побудивших этих людей откликнуться на объявленную подписку, было не только желание потратить начальству, но и преклонение перед именем великого писателя и историка, проявление уважения к памяти недавно скончавшегося Н. М. Карамзина (22 мая 1826 года по старому стилю. — В. Ч.).

Об уважительном отношении на Гродненщине к автору знаменитой «Истории» может служить примером и другое архивное дело, озаглавленное «О сборе добровольных пожертвований на сооружение памятника Карамзину в г. Симбирске. Начато 28 июля 1933 года, окончено 3 февраля 1834 г.». Именно в эти сроки, как следует из дела, и проходила в губернии эта благородная акция. В пухлой папке помимо обширной переписки, касающейся на-

званного сбора, имеется и «Именной регистр лицам, учинившим добровольные приношения российскому историографу Н. М. Карамзину». Возглавляет этот список-регистр тогдашний гродненский губернатор генерал-майор граф М. Н. Муравьев, внесший на памятник Карамзину 25 рублей ассигнациями. Столько же передал в фонд строительства и председатель губернского правления князь Давыдов. 10 рублей ассигнациями пожертвовал полицмейстер Болдырев. Остальные чиновники, торговцы и мещане города вносили деньги кто сколько мог. В списке значатся Новицкий, Стычинский, Корпиловский, Радовицкий, Сутковский, Каптилович, Груздев и др. Всего горожане собрали 82 рубля ассигнациями и 3 рубля 50 копеек серебром. Жительствующий в своем имении Озеры помещик Корнелий Валицкий дал на памятник 20 рублей ассигнациями. В г. Новогрудке список добровольных жертвователей возглавил городничий Бенецкий, а за ним еще тринадцать человек (Глинский, Николай Керсновский, Иван Маркевич, Заборский, Врублевский, Туловский, Третьяковский, Кондратович и др.), собравших 3 рубля 45 копеек серебром. 30 человек составили список жертвователей в уездном городе Бресте, 8 человек — в Пружанском уезде. Всего по Гродненской губернии на сооружение памятника историку было собрано 9 рублей 35 копеек серебром и 175 рублей 96 копеек ассигнациями. По тем временам это была немалая сумма. В 1839 году все жители губернии приглашались к покупке качественных рисунков сооруженного в г. Симбирске памятника историографу Карамзину, а также барельефов на оном, в том числе и изображающего покойного историографа, читающего свою «Историю» императору Александру I. Продажа рисунков осуществлялась с целью выручки денег, которые также приобщались к уже поступившим жертвованиям на памятник.

Таковы основные из сохранившихся в гродненском архиве сведений, имеющих отношение к данной теме. Разумеется, что все они затрагивают ее лишь внешнюю сторону сюжета. Главное же — воздействие на гродненцев содержания и идей главного труда Н. М. Карамзина еще пока практически недостижимо для исследования. Но, несомненно, одно: его «Историю читали на Гродненщине и по-русски, и по-польски, расширяя и углубляя свои представления об исторической науке, которой великий историк дал такое возвышенное определение: «История... есть священная книга народов, главная и необходимая, зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков к потомству, дополнение и изъяснение настоящего и пример будущего...». В «Каталоге Гродненской публичной библиотеки», составленном и изданном в 1908 году в Гродненской губернской типографии Иваном Григорьевичем Остроумовым,

«История государства Российского» Н. М. Карамзина была отнесена к разряду наиболее читаемых книг. Один из

томов этого издания (1833—1835 гг.), ныне хранящийся в фондах научной библиотеки Гродненского госуниверситета, — яркое тому свидетельство: прекрасно сохранившийся, он между тем изобилует закладками и карандашными пометками, сделанными в процессе изучения книги в те далекие годы неизвестным нам читателем-гродненцем.

В годы Советской власти к «Истории» Карамзина подходили с сугубо политико-идеологической точки зрения. Не только широкий читатель, но и студенты-историки, по существу, были отлучены от этого фундаментального труда: дескать, чему может научить молодое поколение автор — сторонник монархизма. Изучали творчество Карамзина как реформатора русского литературного языка, мастера художественной литературы, но не как историка. Много потрудился для возвращения историка Карамзина к нынешнему поколению людей известный московский профессор А. Ф. Смирнов, неоднократно бывавший на Гродненщине и посвятивший ей ряд своих трудов. Будучи глубоким знатоком творчества Н. М. Карамзина, он приложил немало мужественных усилий для того, чтобы в 1989 г. в журнале «Москва» была начата после почти столетнего перерыва публикация «Истории государства Российского». Первый номер журнала с автографом А. Ф. Смирнова летом прошлого года я передал в дар библиотеке Государственного архива Гродненской области (ГАГО). История Карамзина вновь обретает читателей на Гродненщине.